Источник: Гроссман В. Прихоти славы / В. Гроссман // В. Гроссман // Вологодский комсомолец. – 1964. – 18 ноября. – С. 3.

*«...И сохраненная
судьбой,
Быть может, в Лете
не потонет
Строфа, слагаемая
мной».*
А. Пушкин.

Виктор ГРОССМАН

Прихоти славы

ВОЛНЫ Леты! Древние эллины верили, что в подземном царстве, куда отправлялись души умерших, текли три реки: Стикс, Лета и Ахерон. Лета—река забвения. Она особенно страшна для поэтов. Их произведения, канув в Лету, умирают для потомства, стираются из его памяти.

Наш земляк, великий предшественник Пушкина, Константин Батюшков, написал когда-то большое ироническое стихотворение «Видение на берегах Леты», в котором высмеял бездарных устаревших поэтов из литературного об'единения «Беседа». Произведения всех «беседчиков», будучи брошены в воды Леты, потонули. Выплыли только басни Крылова.

Но, по слову Пушкина, «слава в прихотях вольна». И мы можем иногда с удивлением, а иногда с признательностью отметить, что в благодарной памяти потомства сохраняются кое-какие осколки, обломки, фрагменты таких произведений, которые давно лежат на дне реки забвения, да и самое имя автора их никому уже неизвестно. Иногда это одна строчка, иногда целая строфа, иной раз—небольшое стихотворение.

Давно забыт поэт Иван Петрович Мятлев. Некогда он был известен в светских кругах тем, что писал забавные стихи на смешанном русско-французском языке о приключениях мадам де Курдюков и ее семьи на Петергофском празднике. Как нечто всем известное и смешное, упоминает Лермонтов «Ишки Мятлева стихи». Знал Мятлева и Пушкин. Однако этот оригинальный и не бесталанный, хотя и довольно поверхностный поэт прочно забыт.

А вот одна его стихотворная строка вошла в золотой фонд русской литературы. Эта строчка — «Как хороши, как свежи были розы». Она стала рефреном тургеневского стихотворения в прозе, зазвучала по-новому, оживленная силою другого гения, и обрела бессмертную прелесть, поэтически выразив печаль увядания.

Сам Тургенев писал свое стихотворение в старости, когда он уже забыл и самое стихотворение, и его автора, но одну строчку он запомнил и сохранил ее для потомства.

Случай в литературе не единичный.

Друг Пушкина князь П. А. Вяземский так донес до наших дней одну строчку из большого стихотворения «Первый снег» потому, что Пушкин взял ее эпиграфом к первой главе «Онегина» «И жить торопится, и чувствовать спешит».

От Вяземского сохранились еще строчки, воспринимаемые, как поговорка:

«Гладко было на бумаге,
Да забыли про овраги,
А по ним ходить».

Сохранилась и от Мятлева песенка:

«Фонарики, сударики,
горят себе горят,
Что видели, что слышали,
о том не говорят».

А кто помнит, что авторами этих стихов были Вяземский и Мятлев?

В поговорку обратились такие стихи:

Н. И. Туманского—
«Она исчезла, утопая
В сиянии голубого дня»...
В. И. Красова —
«Я вновь пред тобою
стою очарован».
С. Я. Фруга —
«Два достоянья дала мне судьба:
Жажду свободы и долю раба».
А. И. Полежаева—
«Не расцвел и отцвел
В утре пасмурных дней».
С. Я. Надсона—
«Только утро любви
хорошо».

Необходимо отметить, что поэтические реликвии не всегда сохраняются только благодаря своим художественным достоинствам. Огромную роль в популяризации стихов играет музыка.

Учитель Белинского, студент Серебряков, умер рано и как поэт никому не известен. Но молодежь многих поколений поет, как народную, песню на слова Серебрякова «Быстры, как волны, все дни нашей жизни».

Был в России когда-то августейший поэт, великий князь Константин. Он писал под псевдонимом «К. Р.» Стихи были часто слабые, но одно стихотворение сохранилось в романсе Чайковского:

«Растворил я окно, стало
душно невмочь,
Опустился пред ним на
колени
И в окно мне пахнула
весенняя ночь
Благовонным дыханьем
сирени».

Друг Пушкина, барон Дельвиг, писал идиллии и гордился их близостью к античным подлинникам. Пушкин ставил в заслугу Дельвигу, что он «...на снегах возрастил Феокритовы нежные розы».

Между тем идиллии Дельвига знакомы только немногим специалистам, в бессмертный «Соловей» сохранился благодаря гениальной музыке Алябьева. И до сегодняшнего дня нас восхищают простые, близкие народному языку, слова:

«Соловей мой, соловей,
Голосистый соловей...»

Музыка способна придать очарование и слабым, художественно беспомощным стихам. Благодаря гениальной мелодии совершенно преобразилось т у с к л о е стихотворение Нестора Кукольника «Сомнение».

Музыка, конгениальная словам, сохранила в неувядаемой свежести «Песню цыганки» Я. П. Полонского, воспринимаемую, как народную.

«Мой костер в тумане
светит,
Искры гаснут на лету
Ночью нас никто не
встретит,
Мы простимся на мосту».

Мне часто приходилось спрашивать любителей литературы и музыки: «А чьи это слова?» Обычно ответ был: «Не знаю, кажется, народные». Стихи Полонского читаются и до сих пор, но «Песня цыганки» известна больше, чем ее автор и другие его стихи.

Мы поем «Нелюдимо наше море» и «Из страны, страны далекой» и не знаем, что эти стихи Н. М. Языкова, одного из приятелей Пушкина, поем

«Вечерний звон, вечерний
звон,
Как много дум наводит
он»...

и не подозреваем, что эти мелодичные стихи написал слепой поэт Иван Иванович Козлов, что стихи эти — перевод из Теннисона. Поем «Не искушай меня без нужды», а имя автора, замечательного поэта Баратынского, даже и не связываем с этой песней.

Количество примеров можно было бы значительно умножить. И пишу я эти строки не для того, чтобы пожаловаться на несправедливость судьбы, которая допускает, чтобы имена прекрасных поэтов поросли травой забвенья. Нет, вспоминая о причудливой литературной судьбе русских поэтов и их произведений, я скорблю о том, что память человеческая так мало может вместить и сохранить. Наша русская художественная культура так богата, что стоит приложить немного усилий, чтобы порыться в ее прошлом. Такой труд был бы вознагражден радостью от знакомства с поэтическими произведениями огромной силы и прелести.

г. Вологда.